

УДК 1 (470) (091) "18/19"

«АПОФЕОЗ БЕСПОЧВЕННОСТИ» И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР ЛЬВА ШЕСТОВА

В.В. Буланов

ФГБОУ ВО «Тверской государственной медицинский университет», г. Тверь

Анализируется роль коммуникативных стратегий в ранней философии Льва Шестова. Автор приходит к выводу, что Лев Шестов во второй половине 1890 – в первой половине 1900-х годов осуществлял экзистенциальный выбор между диалогичностью и монологичностью

Ключевые слова: диалогичность, коммуникативная стратегия, монологичность, экзистенциальный выбор, экзистенция.

Необходимой составляющей человеческой сущности является свобода, способность самостоятельно влиять на ряд процессов, в своей совокупности составляющих его жизнь. Поэтому отношение к этой свободе способно не только предопределить поведение человека, но и повлиять на его сущность (Н. Аббаньяно) [1, с. 146–147]. Это воздействие человека на его собственную экзистенцию: сложно не согласиться с Ж.-П. Сартром в том, что принятие своей свободы означает признание ответственности как за процесс и результаты самосозидания, так и за влияние на существование других людей [2, с. 438–439]. Тем самым совершение любого поступка (а он всегда связан с реализацией человеком своей свободы) всегда означает совершение им экзистенциального выбора. Этот выбор стимулируется тем, что Э. Фромм называет экзистенциальным противоречием между природным и социальным компонентом человеческой сущности и имеет ценностное содержание [3, с. 281, 291]. Суть этого выбора можно свести к предпочтению одного из двух стремлений, противоположающихся в человеке, – к личностной самореализации и к избавлению от своей ответственности и мучительных сомнений ценой отказа от самобытности [4, с. 321–322]. Выбор в пользу экзистенции, связанной с удовлетворением первого из этих стремлений, предполагает ведение подлинного существования, а предпочтение второго стремления означает выбор неподлинного существования. Так что ведение подлинного существования связано с признанием ценности свободы, а выбор в пользу неподлинного существования означает пренебрежение свободой.

Ценностная составляющая данного экзистенциального выбора всегда проявляется в удовлетворении человеком постоянной потребности в коммуникации. В зависимости от отношения к свободе (и тем самым к подлинному и неподлинному видам экзистенции) каждый человек выбирает для себя диалогическую или монологическую коммуникативную стратегию, которой в дальнейшем стремится следовать в своей деятельности. Диалогическая коммуникативная стратегия – это ведение межличностного общения на основе ориентации на ценность диалогичности. Её признаками являются: стремление к взаимопониманию, к совместному поиску истины и компромисса между разными точками зрения, терпимость к проявлениям инакомыслия [5, с. 232, 287–289, 299; 6, с. 147; 7, с. 34]. Приверженцы диалогичности признают свободу и за

собой, и за своим собеседником, и тем самым склонны к выбору ответственного, подлинного существования. Монологическая коммуникативная стратегия связана с приятием ценности монологичности. Этот экзистенциальный выбор проявляется в таком понимании желательного общения, при котором неприемлемы возражения со стороны партнёра по коммуникации, собеседник является лишь объектом воздействия, своя точка зрения рассматривается как всегда правильная и лучшая, а позиция собеседника как изначально ошибочная и худшая [7, с. 41; 8, с. 382; 9, с. 256]. Сторонники монологичности допускают использование свободы только собой, их партнёры по коммуникации должны быть её лишены. Это свидетельствует о том, что монологическая коммуникативная стратегия связана с ведением неподлинной экзистенции.

Выявленная взаимосвязь между видами существования и предпочтением одной или другой коммуникативной стратегии хорошо иллюстрируется значением в жизни Льва Шестова работы «Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)» (1905). В период её создания Лев Шестов завершил свой выбор между диалогичностью и монологичностью, выбор, который повлиял на всю его дальнейшую судьбу.

Уже в работе «Шекспир и его критик Брандес» (1898) Лев Шестов, как отмечает И.И. Евлампиев, оказывается перед дилеммой, которая заключается в необходимости выбора между двумя точками зрения: универсальный закон важнее жизни человека или жизнь человека важнее этого закона [10, с. 270]. По словам Н.В. Мотрошиловой, Лев Шестов в этом произведении обвиняет культ разума в стремлении подчинить свободу человека «мощи необходимости» [11, с. 389–391]. К этим двум утверждениям можно добавить ещё одно: в период работы над «Шекспиром и его критиком Брандесом» Лев Шестов оказался вынужден совершить экзистенциальный выбор между монологичностью и диалогичностью.

Создавая «Шекспир и его критик Брандес», Лев Шестов исходит из того, что «человека можно понять, лишь живя его жизнью» [15, с. 50], переживая с ним его страдания и его восторги. Иными словами, он убеждён в том, что понимание одним человеком другого человека предполагает их диалог, хотя бы диалог опосредованный, ведь только ведя диалог можно полно и всесторонне понять своего собеседника, обрести способность «жить его жизнью». Ориентация Льва Шестова на ценность диалогичности проявляется и в его возмущении попытками позитивистов свести человека к объекту бесстрастного исследования. Для осуществления подобного исследования, по мнению мыслителя, нужно обеспечить подчинение каждого человека универсальным законам, то есть заведомо упрощенно изучать его жизнь, чтобы спокойно вести монолог о ней. А для обеспечения такого монолога необходимо предварительно «убить жизнь» как изменчивый феномен, специфичный у каждого отдельного человека [15, с. 16, 43].

Лев Шестов также выступает против монологичности этики И. Канта. Если немецкий философ свои представления о нравственности стремится сделать общеобязательными и для этого пытается всех убедить в том, что есть «трансцендентный повелитель, категорический императив», то Лев Шестов считает это заявление И. Канта чуждым нравственности. Ведь оно, по Льву Шестову, свидетельствует не о желании И. Канта помочь ближнему из-за сострадания (мотива поведения, ориентирующегося на диалогичность), а о мо-

нологическом стремлении выполнить требование универсального закона, хотя оно и «отрицает всю человеческую жизнь» [15, с. 179].

Ориентация Льва Шестова на ценность диалогичности проявляется и в стремлении убедить своего читателя в собственной правоте. В частности, он обстоятельно доказывает, что культ рационализма пагубен, потому что неумолимо поэтапно лишает человека веры в Бога, нравственных ориентиров, убежденности в качественном отличии от животных, а в итоге и какой-либо уникальности и ценности человеческой жизни [15, с. 8–12].

Однако Лев Шестов и сам в этом произведении предстаёт как приверженец монологической коммуникативной стратегии. Он считает, что в жизни можно открыть подлинную истину, добро и красоту, но для их постижения нужно быть готовым принести любые жертвы [15, с. 117]. Лев Шестов на этом основании считает себя вправе критиковать И. Канта, когда за недомыслие [15, с. 8], а когда за жестокость и лицемерие [15, с. 202–203].

В годы работы над «Шекспиром и его критиком Брандесом» Лев Шестов не совершил экзистенциальный выбор между диалогичностью и монологичностью, необходимость этого тогда не была ещё им осознана. Однако философ уже выделяет два вида существования, одно из которых связано с постоянным стремлением раскрыть роковые тайны мироздания, и одобряется им как выбор сильных людей, а другое характеризуется избеганием размышлений над страшными загадками жизни и критикуется им как следствие малодушия слабых людей [15, с. 117].

Содержание следующих крупных произведений Льва Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь)» (1900) и «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)» (1902) свидетельствует о его стремлении снять противоречие между своей ориентацией на диалогичность и склонностью к следованию монологической коммуникативной стратегии.

В этих работах Лев Шестов по-прежнему стремится понять истинные мотивы философствования мыслителей, с которыми он ведет опосредованную коммуникацию. В частности, мотивы выдвижения Ф. Ницше «формулы “по ту сторону добра и зла”» [13, с. 302] и попытки реабилитации Ф.М. Достоевским «прав подпольного человека» [14, с. 389]. Как и ранее, Лев Шестов обличает несостоятельность претензии моралистов на право судить других людей. В первой из названных работ он называет эти претензии проявлением измены суровой философии во имя удобной, хотя и лживой, проповеди. Таково для него, например, ницшеанское учение о сверхчеловеке [13, с. 306]. А во второй из этих работ Лев Шестов провозгласил гуманистическую мораль неприменимой по отношению к людям, постигшим жестокую действительность, попавшим в «область трагедии» [14, с. 316, 449–450]. Как и в работе «Шекспир и его критик Брандес», Лев Шестов ведёт заочный диалог со своим читателем, детально обосновывает свои утверждения. В частности, он стремится убедить читателя в лживости толстовского тезиса «добро есть Бог» [13, с. 307] и в том, что наличие у Ф.М. Достоевского «жестокоего таланта» – ценный результат мировоззренческой эволюции писателя [14, с. 359–361].

В то же время определённая склонность Льва Шестова к следованию монологической коммуникативной стратегии начинает ослабевать. Философ в работе «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь)» уже не намекает на то, что постиг истинное добро, а лишь утверждает, что всё,

что выдается за добро, таковым не является и что настоящее добро ещё надо искать [13, с. 307]. В труде «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)» Лев Шестов в своем понимании добра ограничивается утверждением, что все авторитетные этические учения – это «философия обыденности», и что поиск подлинного добра ведется лишь одиночками-маргиналами, «философами трагедии», и неизвестно, завершится ли успешно [14, с. 449–451].

В данных произведениях Лев Шестов ещё более отчётливо, чем в «Шекспире и его критике Брандесе», противопоставляет вид существования, связанный с диалогом с жестокой реальностью (по сути, подлинную экзистенцию) виду существования, основанного на избегании такого диалога (фактически, неподлинную экзистенцию). В работе «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь)» существование философа провозглашается несовместимым с существованием проповедника [13, с. 203–206], в произведении «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)» Лев Шестов указывает на различие между экзистенциями людей, следующих «философии обыденности» и «философов трагедии» [14, с. 449–451].

В то время как все отмеченные произведения Льва Шестова являлись трудами, совмещавшими черты философского исследования и литературной критики, «Апофеоз беспочвенности (Опыт адогматического мышления)» стал его манифестом – вызовом российским приверженцам монологической коммуникативной стратегии. Во-первых, Лев Шестов в этом труде подчиняет стиль философствования ориентации на ценность диалогичности. Единству текста как средству обеспечения тирании авторских идей над читателем он противопоставляет мозаику афоризмов как единственный способ избавиться от этой тирании и возможность для читателя высказать собственные, пусть и «противоречивые, как сама жизнь, размышления» [12, с. 453–454]. Тем самым Лев Шестов содействует превращению читателя из объекта монологического воздействия в участника диалогической коммуникации. Во-вторых, философ способствует «апофеозу беспочвенности», должному наступить после отказа от ошибочной привычки считать «аксиомы научного познания истинами, не требующими доказательств» [12, с. 462].

Конечно, и в этом произведении Лев Шестов не чужд ориентации на ценность монологизма. Как и ранее, автор труда «Апофеоз беспочвенности» убеждён в том, что именно его точка зрения (теперь это призыв к бунту против любых идей и всякой «почвы» [12, с. 452–453]) является единственно правильной. Вместе с тем, Лев Шестов в этом произведении достиг предельно возможной для него ориентации на ценность диалогичности. Этот предел заключался в его неспособности вести диалог с рационалистами: неспособность ученых и моралистов дать ответ на вечный вопрос «что есть истина?» и объяснить смысл существования в мире «уродства, ...безумия, нищеты, смерти» для Льва Шестова непростительна [12, с. 458, 490].

Лев Шестов в произведении «Апофеоз беспочвенности» ещё больше показывает противоположность между неподлинным существованием сторонников монологичности и подлинным существованием приверженцев диалогичности. К первым из них можно отнести большинство людей, то есть тех, кто следует той или иной идее как «почве», позволяющей заниматься успокоительным самообманом эфемерного сведения ещё неизвестного к уже известному. Вторые из них, вместе с Львом Шестовым, отвергают любые иллюзии,

мешающие постичь подлинную, пусть и противоречивую действительность [12, с. 454].

Предельный характер диалогичности Льва Шестова, достигнутый им в период работы над данным произведением, резко контрастировал с обычной для России 1905 г. коммуникативной стратегией. Влиятельные российские мыслители того времени ориентировались на ценность монологичности – от В.И. Ленина («Партийная организация и партийная литература») до Д.С. Мережковского («Грядущий Хам»), от Н.А. Бердяева («Трагедия и обыденность») до В.И. Иванова («Кризис индивидуализма»). Вскоре после реакции российских читателей на работу «Апофеоз беспочвенности (Опыт адогматического мышления)» Лев Шестов надолго эмигрировал из страны. Этот поступок был закономерным следствием его экзистенциального выбора между диалогичностью и монологичностью. Этот экзистенциальный выбор начал осуществляться Львом Шестовым в годы его работы над трудом «Шекспир и его критик Брандес» и завершился в период создания работы «Апофеоз беспочвенности (Опыт адогматического мышления)». Во всех своих последующих произведениях Лев Шестов останется верен своему выбору в пользу предельной диалогичности, ведь всё его последующее философствование сводится к неустанной полемике против приверженцев идей, претендующих на общеобязательность.

Список литературы

1. Аббаньяно Н. Экзистенция как свобода // Вопросы философии. 1992. №8. С. 146–157.
2. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сартр Ж.-П. Тошнота: Избранные произведения. М.: Республика, 1994. С. 435–469.
3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск: Попурри, 1999. 624 с.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.
5. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
6. Соболева М.Е. О возможности диалога между культурами // Вопросы философии. 2009. №3. С. 147–157.
7. Щукин В.Г. О диалоге и его альтернативах. Вариации на тему М.М. Бахтина // Вопросы философии. 2006. №7. С. 32–44.
8. Померанц Г.С. Выход из транса. М.: Юрист, 1995. 576 с.
9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. 2-е изд., испр. М.: Издательство «Весь Мир», 2008. 416 с.
10. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX-XX веках. Русская философия в поисках абсолюта: в 2 ч. СПб.: Алетейя, 2000. Ч. 1. 415 с.
11. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). М.: Республика, 2006. 477 с.

12. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления) // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: Захаров, 2000. С. 452–583.
13. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь) // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: Захаров, 2000. С. 207–307.
14. Шестов Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) (Философия и проповедь) // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: Захаров, 2000. С. 308–451.
15. Шестов Л. Шекспир и его критик Брандес // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: Захаров, 2000. С. 7–206.

«AOPHEOSIS OF GROUNDLESSNESS» AND EXISTENTIAL CHOICE OF LEV SHESTOV

V.V. Bulanov

Tver State Medical University, Tver

The article is aimed at the analysis of the communicative strategies role in Lev Shestov's early philosophy. The author comes to the conclusion that Lev Shestov made an existential choice between the dialogical and the monologue mode of communication during second half of 1890 – first half of 1900.

Keywords: *dialogical communication, communicative strategy, monologue, existential choice, existence.*

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: althotas3111978@mail.ru

Author information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – Ph. D., Assos. Prof. of philosophy and psychology with bioethics and history of Fatherland courses Dept., Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru